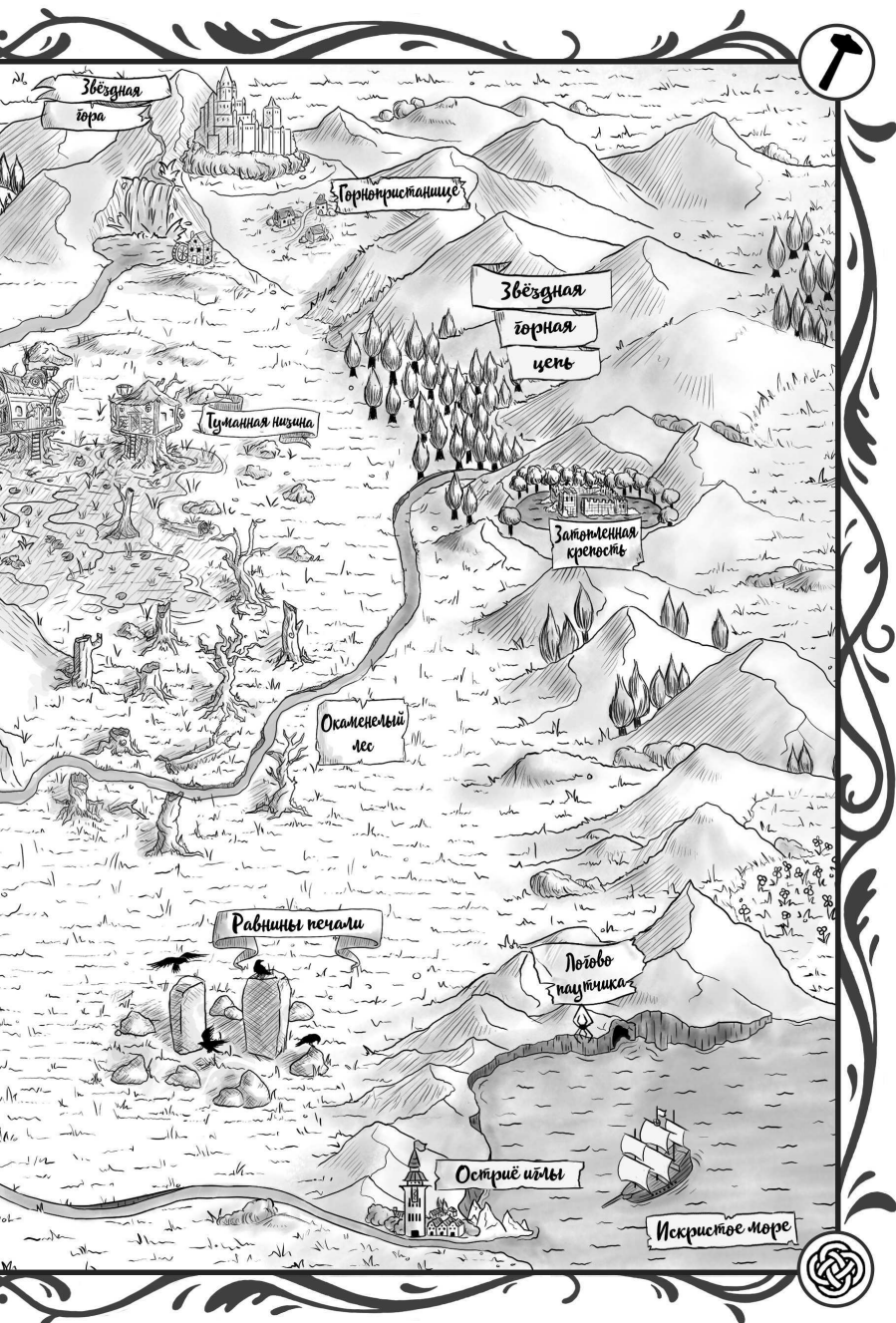

*Посвящается моему папе,
подарившему мне крылышки феи,
и моей маме, читавшей мне книгу
под названием «Жизнь»*

Звездная гора

Горнокристалище

Звездная горная цепь

Туманная низина

Затопленная крепость

Окаменелый лес

Равнины печали

Логово паутичника

Острые язы

Искристое море

При свете луны гордо шла королева,
Последняя в роде, мудра, милосердна,
Рыдала навзрыд королева Ардена,
И слёзы в ночи растворялись бесследно.

Под режущим блеском светил бессердечных
Равнины от боли под нею дрожали,
Залитые кровью погибших беспечных
И чёрною скорбью смертельной печали.

«Уйди, королева», — шептали равнины,
Но что им ответят — они уже знали.
Монархи не льют своих слёз без причины:
Скрывали равнины царицы исканье.

«Я знаю, он здесь, быстрый огненный пламень,
Стремительней вихря в свободном паденьи,
Ищу я его, быстрых мускул сплетенье,
Что ветры из жил облаков отковали.

Последняя я королева Ардена,
Ищу сотворенье беспечного бога,
Ищу и надеюсь найти непременно,
Ищу я последнего единорога».

*Отрывок из поэмы «Королева и единорог»,
написанной прядильщиком Гленом Зелёным
из Ардена в честь пятидесятой годовщины конца
Войны гильдий в 1049 году Ремесленной эры*

ГЛАВА

1

Клэр никогда прежде не видела камин, внутри которого была бы лестница.

Конечно, с тех пор как две недели тому назад они переехали в особняк её двоюродной бабушки Дианы, девочка видела немало странных вещей: замок в бутылке, стул, полностью сделанный из оленьих рогов, и даже отделённую от остального тела руку статуи, державшую скрепки, — в библиотеке на третьем этаже.

Но эта лестница по какой-то причине была чем-то особенным, и, когда *Клэр* шла к ней через галерею, она ощутила лёгкий толчок между лопаток, как если бы её слегка щёлкнуло статическое электричество.

В закатном солнечном свете, пробивавшемся через шторы, *Клэр* петляла между накрытыми простынями колоннами и скульптурами, которые были расставлены по помещению в хаотичном порядке. Она изо всех сил старалась не обращать внимания на жавшиеся под пыльной тканью статуи, походившие на неподвижные привидения.

Двоюродная бабушка Клэр коллекционировала предметы искусства, и эта комната, по всей видимости, представляла собой ещё одну галерею, в которой та хранила многие из своих сокровищ. Она путешествовала по всему миру в поисках необычных и красивых вещей, по этой причине Клэр видела свою родственницу лишь однажды, когда была совсем маленькой, что почти не считается.

Поэтому, когда несколько месяцев назад отец мрачно сообщил девочке и её старшей сестре Софи о том, что их двоюродная бабушка пропала во время очередной поездки в охоте за сокровищами, Клэр не вполне понимала, как ей следует к этому отнестись. Она обняла отца, а Софи отметила, что такой способ умереть впечатляет. После чего Клэр не особо думала об этом — по крайней мере до того момента, пока они не получили уведомление, сообщавшее о том, что дом двоюродной бабушки Дианы, Виндемирское поместье, и всё его содержимое были завещаны им. Тысячи всех этих безделушек и коллекционных предметов предстояло рассортировать и внести в каталоги к распродаже доставшихся им по наследству вещей, запланированной на конец августа, прямо перед началом нового учебного года.

Поэтому теперь исключительно из-за двоюродной бабушки Дианы последнее лето Клэр до её перехода в среднюю школу (лето, которое обещало быть наполненным пижамными вечеринками в компании лучшей подруги — Кэтрин, а также двумя неделями в летнем лагере) отменялось.

Папа с мамой решили, что переезд в этот дом на лето станет отличным отдыхом от городской сырости: «Время для укрепления семейных уз, — объявили они, — когда ничто не будет нас отвлекать».

Клэр точно знала, что они имели в виду: отвлекать их могли, например, папины маркетинговые совещания, проходившие во время ужина, поскольку коллеги никак не могли прийти к решению, какой шрифт лучше, или стопка сочинений, которые маме предстояло проверить к занятиям на следующее утро.

Так или иначе, Клэр должна была признать, что и это лето она ждала с нетерпением. Жизнь в деревне могла грозить укусами насекомых и отсутствием мобильной связи, но она также означала, что девочка вновь проведёт время в компании Софи — совсем как в былые дни.

Пока большинство девочек их возраста коллекционировали браслеты или ручки, Софи коллекционировала Впечатления. Ставила для соседей спектакли. Искала в парке ископаемые. Исследовала исчезновение какого-нибудь предмета искусства, пытаясь разгадать тайну. Все эти моменты были преисполнены волнующей радости, и Клэр всегда была рядом, когда они наступали.

Но после постановки диагноза Впечатления перестали дарить веселье. Казалось, теперь Софи больше интересовали истории о кладбищах, врачах и прочих пугающих вещах, которые Клэр терпеть не могла.

К счастью, теперь всё это было позади, включая тревожные морщинки вокруг маминого рта и долгие часы, проведённые в приёмных отделениях. Софи поправилась. Всё стало как прежде. Точнее, почти как прежде.

Софи то и дело исчезала в комнатах особняка, вынуждая Клэр постоянно её искать. Как будто всё то время, что она провела без младшей сестры, привязало её к местам, куда Клэр путь был отрезан. По правде говоря, девочка пыталась найти Софи и сейчас, когда открыла дверь в эту самую галерею.

Стоя в пыльном очаге камина, Клэр кашляла, изучая лестницу. Из множества странных предметов Виндемирского поместья этот привлекал её внимание больше прочих. Было в этой лестнице что-то такое, что словно приглашало по ней подняться. Она посмотрела наверх, в головокружительную темноту. Что было там наверху — пауки? Летучие мыши? Что-то другое?

Как вдруг Клэр услышала позади себя треск.

Она застыла. Этот старый дом, с его тёмными углами и бесконечными свистами и скрипами, вселил в неё беспокойство в ту же секунду, как она впервые шагнула в тускло освещённое фойе и увидела отклеивающиеся обои и осыпавшуюся штукатурку.

Послышался ещё один шорох, в этот раз сверху, с потолка. Клэр достала карандаш из-за уха и легонько надавила на него большим пальцем. Его кончик был острым, что слегка приободрило девочку. Софи всегда говорила, что ка-

рандаши были для Клэр деревянным большим пальцем (поскольку, прекратив сосать большой палец, младшая сестра нашла этой привычке равносильно раздражающую замену и принялась грызть карандаши). Но они ей требовались не только для этого. Карандаши были для Клэр инструментом, который она использовала для перенесения на бумагу окружающей её мир; это был способ понимания действительности.

Клэр показалось, что она слышала, как кто-то выдохнул. Что-то белое промелькнуло у неё перед глазами. Девочка обернулась...

Чьи-то руки внезапно схватили Клэр за плечи, и её крик заглушил стук, с которым карандаш ударился об пол.

— Ты бы видела своё лицо, — произнесла Софи сквозь смех, откидывая тёмные пряди, упавшие ей на глаза.

— Не делай так! — ответила Клэр, опускаясь на колени, отчасти для того, чтобы скрыть от сестры свои пылающие щёки, и отчасти для того, чтобы найти свой карандаш, который, казалось, моментально исчез, коснувшись пола. Она ощупывала мраморную плитку за камином. Твёрдое, холодное каменное покрытие царапало колени, но девочке было всё равно. Это был её лучший карандаш для рисования, который наконец сточился до идеальной длины. В следующий раз, когда она его заострит, он станет слишком коротким.

— Извини, Клэрина, просто это было так весело, что я не удержалась!

Клэр не отрывала глаз от пола. Она радовалась тому, что Софи, всегда отличавшаяся бесстрашием, не могла слышать, как её сердце продолжало бешено колотиться: «Вот ты где» — рука девочки нащупала карандаш, и она сразу же почувствовала себя лучше.

— Ого! — услышала Клэр восклицание сестры. Встав на ноги, она увидела, что Софи приподняла край пожелтевшей льняной простыни и теперь заглядывает под неё. — Смотри-ка! — Она дёрнула ткань, и та съехала с пьестала.

Глазам сестёр предстал красивый единорог из слоновой кости размером чуть больше предплечья Клэр. Встав на дыбы, волшебный зверь выгибал шею вперёд, закручивавшийся спиралью рог оканчивался остриём совершенной формы. Вырезавший его скульптор, по всей видимости, был мастером своего дела, поскольку грива из слоновой кости словно колыхалась от дуновения призрачного ветра. Но, несмотря на то что единорог, вне всяких сомнений, был великолепен, он почему-то казался печальным, и это чувство, острое и отчётливое, пронзило сердце Клэр. Убрав карандаш обратно за ухо, она подошла к скульптуре, чтобы дотронуться до струящегося хвоста. Девочка мечтала о том, что однажды нарисует что-то столь же чудесное. Но Софи уже потеряла интерес к единорогу и теперь ходила по галерее, поднимая простыни, накрывавшие другие пьесталы, изучая прочие предметы коллекции. Клэр заметила, что сестра забрала волосы назад с помощью фиолетовой ленты, которую

она всегда носила вокруг запястья. Когда Софи собирала волосы в высокий хвостик, она напоминала Клэр об открытке, которую они получили от двоюродной бабушки Дианы. На ней был изображён бюст египетской царицы. Лицо старшей сестры имело такие же заострённые черты, как у древней правительницы, хотя веснушки, усеивавшие щёки Софи, принадлежали ей одной. Когда Клэр делала из своих кудрявых волос высокий хвостик, это лишь придавало ей такой вид, словно за её затылок уцепилась белка.

— Ты когда-нибудь видела настолько большой камин? — спросила Софи, которой, очевидно, наскучили скульптуры, возвращаясь к очагу. Её голос прозвучал лёгким эхом, когда она заглянула наверх, внутрь дымохода. — Да тут можно жарить целого лося.

— Или сестру, — ответила Клэр сухо.

Софи улыбнулась своей беспечной улыбкой, продемонстрировав все свои зубы. Затем поставила ногу на нижнюю перекладину.

— Что ты делаешь? — спросила Клэр. — Ты не можешь забраться по этой штуке. — Девочка услышала в своём голосе ненавистную ей дрожь, но было в этом огромном тёмном камине, старой лестнице и всей этой комнате что-то такое, что вызывало у неё дурное предчувствие.

— Не будь такой, — упрекнула её Софи, переставляя ногу на следующую перекладину. — Идём. Повеселимся немного.

Выбора, по правде говоря, не было. Если Клэр не заберётся по лестнице, сестра никогда не даст